

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Евгения Щепетнова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НИЩИЙ

«ИСТРИНСКИЙ ЦИКЛ»

ЛЕКАРЬ

МАГ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

НИЩИЙ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 2004 году
Выпуск 428

Художник
М. Поповский

Щепетнов Е. В.
Щ56 Нищий: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 375 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1280-8

Его забыло государство, которому он отдал свое здоровье, он опустился на самое дно... и вдруг попадает в параллельный мир — мир, где магия обычна, где живут гномы и эльфы. Он начинает с профессии нищего и, используя свои способности офицера спецназа, поднимается все выше и выше, становясь магом и воином. Он путешествует через моря, бьется с пиратами, находит друзей и любовь...

Это рассказ о человеке, который выживает всегда и везде.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1280-8

© Щепетнов Е. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

В подземелье было темно, и лишь свет из далекого люка, в который сквозь решетку стекались нечистоты из канав вдоль мостовых, освещал тоннель. Седой осторожно сделал несколько шагов, сцепив зубы от боли, — изорванная осколками нога отказывалась работать в такой сырости, да еще при перемене погоды, но он привычно преодолел себя и двинулся дальше. За углом послышался шорох... Седой медленно освободил из палки, на которую опирался, стальное жало стилета и замер.

— А-а-а-а! — Вдруг выпрыгнул из темноты человек плотного телосложения, рассекая воздух огромным тесаком. — Урод, умри!

Седой автоматически уклонился от удара, переместив вес на здоровую ногу, и выбросил стилет вперед, пронзив грудь нападавшего — тот захрипел и мешком опустился на грязный пол тоннеля, заваленный обломками деревьев и гниющими нечистотами. Седой вытер клинок о его одежду и мягко вставил на место в палку, потом на ощупь, матерясь про себя и пачкаясь в крови, обыскал труп.

— Кошель, нож, магический амулет... непонятно какой, тесак... упс! Это что за бумага? Уж не объявление ли о награде за мою голову? Якоря нет, а его деяния живы? Потом почитаю.

Он спрятал свиток за пазуху и, шаркая и подволакивая большую ногу, пошел вперед, как подбитый ядовитый паук.

ГЛАВА 1

Первое, что я увидел, открыв глаза, — плавающее над головой лицо, сморщенное как орех, с гнилыми зубами, издающими невыносимый запах, как будто что-то давно протухло и догнивает последние дни. Я уже встречал в жизни такого человека — Сергея Ткачука — на вид интеллигентного, в очках и костюме, от которого исходило такое зловоние изо рта, что рядом с ним нельзя было сидеть, не отвернувшись в другую сторону. Зловонное лицо что-то сказала, я не мог распознать, что именно, и переспросил:

— Что?

— Аратак суран ху?

— Не понимаю! — Я с тупой обреченностью стал всматриваться в старика — а это был именно старик. — Я не понимаю, что вы говорите!

Старик сказал еще несколько фраз, потом отчаялся что-то мне втолковать, схватил за руку и потянул за собой, показывая на небо. Я с трудом поднялся, поискал рукой свой батожок, нашел, оперся на него и встал, покачиваясь, как корабль на крупной зыби. Голова закружилась, стало дурно, и меня вырвало на булыжники мостовой утрешним беляшом, которым закусывал паленую водку. Старик покачал головой — похоже, запах перегара донесся и до него. Я возмутился: с таким-то «ароматом» изо рта, да перегар одеколоном покажется! При мысли об одеколоне меня тоже чуть не вырвало — пил я и его... что попадалось, то и пил.

После того как меня комиссовали из армии, изрубленного осколками гранаты и исполосованного пулями, мне оставалось или снаркоманиться, или же пить горькую, чтобы забыть. Забыть войну, забыть кровь, забыть эту боль, которая терзала мое израненное тело днем и ночью. И вот те-

перь я — старший лейтенант, бывший десантник, разведчик — находился на пустыре, неизвестно где, рядом с вонючим стариком в диких обносках.

Мать у меня умерла, когда я был еще на войне, я даже не смог попрощаться с ней — в это время мы как раз отбивались, в окружении сотен «воинов Ичкерии», недовольных тем, что мы разгромили их базу в горах. Если бы не вертолетчики, раздолбавшие их и сделавшие нам проход на волю, я не стоял бы сейчас на этом грязном пустыре. Много раз я думал: а зачем? Зачем я остался жив? Сейчас бы лежал рядом с матерью и отцом, за одной оградкой, и мы наконец-то соединились бы, стали одной семьей. Отец погиб раньше, в Заводском районе, где мы жили всегда. Он шел на ночную смену, и его зарезал наркоман в поиске жалких грошей, — ну что он мог взять у мужичка с авоськой, в которой тот носил на работу свой нехитрый обед? Я решил тогда для себя: надо вырваться, вырваться из этой безнадеги. Но куда я мог пойти, здоровенный пацан, рост сто девяносто сантиметров, учившийся в школе номер одиннадцать, где быть отличником считалось западло. Их называли лохами и ботанами и били, вымещая на них свою злобу и зависть, — так всегда поступали с теми, кто был слабее или умнее.

Мне была дорога или в бандиты, или в армию. Кстати, безразлично: и то и другое было для меня равнозначно, вот только в бандитах — недолгий срок «красивой жизни», а потом ты труп, а в армии нет красивой жизни, но при удаче — как-то можно выбраться, да и подзаработать тоже.

Я выбрал армию. Сумев поступить в десантное училище, я быстро там выдвинулся в первые ряды. Главное было — соблюдать правила — и тебя накурмят, напоят, скажут, что делать, — и мозг не нужен. Главное — быстрая реакция, твердые мышцы и четкое выполнение приказа. После выпуска я попал на переподготовку — специальные курсы разведки, где учили убивать наиболее эффективными способами, от автоматических гранатометов до удавки и шила, а еще — хоть немного думать, планировать операции. Так я стал командиром разведроты — это было ее официальным названием, но на самом деле она являлась карательным отрядом. Мы ходили в тылах боевиков и вырезали всех, на кого нам укажет перст командования. Много пришлось пролить крови,

до сих пор мне снятся лица убитых. Может, это и привело к тому, что я стал законченным алкоголиком?

Но как бы то ни было, в последнем прорыве я стал беспомощным и никому не нужным инвалидом — без профессии, без денег и без здоровья. Если бы не мое чудовищно тренированное тело, я давно бы сдох под забором, но организм все сопротивлялся — печень не хотела умирать, хотя я убивал ее литрами мерзкой «паленки», а мышцы, пусть и слегка обмякшие после года лежания в госпитале, могли легко порвать любого, кто осмелится мне перечить. Трижды я был в отделении милиции, за пьяный дебош. Дважды какие-то сопляки насмехались над моей ковыляющей походкой — я переломал им ребра, но и меня хорошенько запинали. Ну что я, калека с почти не сгибающейся правой ногой, мог сделать против двадцати уродов, которые кричали «Алла акбар!» и насмехались над стариком — однако я сделал, что мог, как всегда, бился до последнего.

Один раз попал в милицию за то, что избил соседа, толстомордого хряка, который ставил свой «мерседес» носом прямо к крыльцу, ведущему в подъезд. Ему было так удобнее, а когда я попросил его убрать машину, потому что всем трудно проходить, особенно мне, он заявил, что ему плевать на всех, а особенно на такого... алкаша. Его потом едва откачали, после удара в солнечное сплетение, — чистый нокаут. Если я и выглядел как старик — седой, заросший поседевшей бородой, так под моей одеждой скрывались еще не умершие мышцы, и тело знало, как их использовать.

Мне было всего тридцать лет, а выглядел я как семидесятилетний старик. Волосы на голове были белые как снег, а моя густая борода седа, как у столетнего аксакала. В общем, последние три года я усиленно добивал себя. Покончить с собой не хватало духу, да и стремно как-то — зачем тогда Бог вынес меня из чеченской мясорубки? — но и жить не хотелось. Орден Мужества лежал в шкатулке, единственной вещи, сохранившейся от матери. Остальное я раздал или продал за копейки в приступах пьяного угара.

Старик опять прикрикнул, и я заковылял за ним, перебарывая знакомую боль в ноге. Мне не впервой было по пьянке просыпаться в незнакомых местах, но этого я никогда не видел раньше. Это был большой пустырь на краю го-

рода. Уже смеркалось, а в городе не горело ни одного фонаря, по булыжным мостовым с грохотом ехали одинокие, запряженные лошадьми повозки — от простых телег до карет. Я с удивлением тряхнул головой — что за наваждение? Где я? Голова разболелась еще больше, думать не хотелось — все потом. Обдумаю. И я двинулся за стариком, уже заворачивающим за угол старого строения с проваленной крышей.

Мы шли еще минут пятнадцать, наконец он что-то сказал, показал рукой на нору, ведущую под большой дом, и нырнул в нее — сразу, как провалившись в преисподнюю. Я последовал за ним. Оказалось, вниз вела лестница, очень крутая, и, если не знать, что там ступеньки, можно было слететь и как минимум набить себе синяков и шишек, а может, и сломать шею. Я все-таки удержался на ногах и медленно, опираясь на палку, сполз вниз. Лестница упиралась в дверь, висевшую на толстых железных петлях, за ней находилась довольно большая комната — видимо, раньше это был или склад, или какое-то другое подвальное помещение, — в углу стоял стол, на котором старик уже разжег свечу, бросающую неровные отблески пляшущего пламени на грубые каменные стены, украшенные потеками и пятнами плесени. Он показал на табуретку возле стола, и я сел, пытаясь понять, на каком языке он говорит. Его речь ни на что не была похожа, хотя он и пытался объясниться на разных языках, — фраза повторялась, и было ясно, что он спрашивал: кто я такой и откуда взялся?

Свеча стала оплывать и затрещала, старик с неудовольствием что-то сказал и достал из каких-то тряпок, опасно оглянувшись на меня, непонятный предмет, чем-то похожий на лампу Аладдина. Он поставил его в центр стола и сказал какое-то слово, что-то вроде «абракадабра», и предмет засветился не очень ярким, но ровным неоновым светом. У меня от удивления чуть не отпала челюсть, а старик засмеялся и сказал:

— Амбак! — показывая на светильник. — Масунта амбак! — Потом посмотрел на меня и ткнул себя в грудь: — Катун! — Ткнул в мою сторону: — У?

— Виктор!

— Витор? Витор! Витор. Катун — Витор! Амбак!

Следующий час мы посвятили обучению меня языку, и

за это время мой словарный запас пополнился несколькими десятками слов — мой проспиртованный и контуженный мозг еще не до конца умер, а при спецподготовке меня научили запоминать на слух много различной информации, не доверяя бумаге. Да и я вообще-то всегда отличался хорошей памятью и способностью быстро изучать языки. До полного понимания еще было очень и очень далеко, но теперь я хотя бы мог высказать простые желания: есть, пить, сходить в сортир.

Старик заметил, что у меня бурчит в животе, достал из-под стола котомку и стал выкладывать на стол еду — куски не очень аппетитного на вид мяса, непонятно какого происхождения. Я не стал задумываться, что это за мясо, и впился зубами в темные жилистые ломтики. Мне приходилось, во время блуждания по «зеленке», есть и менее удобоваримые вещи. Пошарив, старик достал снизу стеклянную бутылку, литра на полтора, грубо сделанную, явно не фабричного производства, и поставил на стол, потом разлил содержимое в две глиняные залапанные кружки. Я поднес кружку к носу и понюхал — пахло чем-то вроде пива, только запах был кислым и незнакомым. Попробовал — точно пиво. Какое-то жидкое — похоже, разбавленное.

У меня кружилась голова, и я чуть не упал со стула, ослабев от еды и питья. Я никак не мог вспомнить, как я оказался в этом городе и почему здесь нет электричества, автомобилей и асфальта. Старик поддержал меня под руку, предлагая пройти к топчану возле стены, я с трудом поднялся и скоро лежал на боку, глядя на сияющую лампу и суетящегося старика, потом глаза мои закрылись, и я уснул.

Открыв глаза, я долго не мог понять, где я, наконец — вспомнил. Какой-то подвал, старик, странный город. Попытался встать, со второй попытки это получилось. Присев на топчане, я попробовал осмотреть темный подвал. Старика не было, и я встал и пошел к двери, захватив свою палку, заранее припасенную возле меня Катунем — больше некому было сунуть ее мне под бок. Свет наверху ударил по моим глазам, уже привыкшим к темноте подвала, я прикрыл их рукой и несколько минут не мог ничего увидеть, потом притерпелся и стал смотреть на мир.

От вчерашнего дождя, загнавшего нас в подвал, не осталось и следа — мокрые стены строений блестели на солнце,

булыжные мостовые были заполнены телегами, спешащими куда-то людьми, на небе сияла большая радуга, упирающаяся в землю своим разноцветным коромыслом.

Я автоматически подумал: «Вон там закопан горшок с золотом, — и усмехнулся: — Мечты, мечты... Впрочем, что бы я с ним сделал, с горшком этим? Пропил? А вдруг мне бы хватило, чтобы вылечить свою больную ногу и зажить другой, не такой растительной жизнью?» Я сплюнул и оставил свои мечты — надо думать о реальном, а не витать в фантазиях. Посмотрев на яркий шар солнца, вдруг вспомнил: последнее, что я видел перед тем, как почуять запах гнили изо рта старика, это сияющий шар. Какой шар, где этот шар? — вспомнить не мог.

Я двинулся дальше, подойдя к краю булыжной мостовой. Дома напоминали картинки из исторических книг, а вдоль пешеходной части тянулись длинные зловонные канавы, из которых дождевая вода с грохотом уходила куда-то вниз, через решетки ограждения — вероятно, там были сливные канализационные тоннели наподобие парижских. По улице двигались люди, непрерывно что-то галдя, — кто-то тащил поклажу, кто-то просто прогуливался. Я перешагнул по мостику через канаву и влился в поток горожан.

Пройдя метров пятьдесят, я чуть не был задавлен огромной каретой, колесо которой задело мне плечо и едва не отшвырнуло в канаву. Я зажал плечо и зашипел от боли, из кареты высунулась изящная женская рука в перстнях и кинула мне под ноги что-то блестящее. Я поднял — это была небольшая монета, похожая по размеру на татарский дирхем, только с портретом важного мужика и с непонятными надписями на обратной стороне. Такой я никогда не видел, хотя интересовался нумизматикой и считал, что кое-что в ней понимаю. Я спрятал монетку в карман своих затертых смесовых штанов, мало отличающихся от нарядов простых горожан, и пошел дальше, рассматривая дома, улицы, людей. От меня воняло так же, как от них, а моя нечесаная шевелюра и седая клочковатая борода делали меня похожим на большинство прохожих.

Через километр у меня сильно заныла нога, и я присел на камень у какой-то вывески с изображенным на ней бравым рыцарем — или не рыцарем, но, в общем, мужиком, с

поднятыми вверх усами, в кольчуге и с мечом. Усы он молдцевато поднимал левой рукой, а в правой держал кружку с пенистым напитком. Как я понял, это было какое-то питейное заведение типа трактира, в чем я скоро убедился — из него выпали трое одетых в железо мужичков, громко горланящих что-то веселое и разудалое типа «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить!..». Один из них заметил меня, что-то сказал своим собутыльникам, пошарил на поясе и бросил мне монету — тоже, как оказалось, серебряную. Я поднял ее, осмотрел и положил ко второй. Выпивоха отсалютовал мне, и мужики, обнявшись, пошли дальше.

Я сидел ошеломленный. Было понятно, что я, скорее всего, не на Земле. Ни монеты, ни мужики в потертых кольчугах, ни улица с ее экипажами и прохожими в сыромятных куртках не давали мне повода в этом усомниться. Можно было бы подумать, что я попал в прошлое, но язык не был мне знаком, а меня в спецшколе заставили выучить и немецкий, и английский. Этот же язык не походил ни на один из романо-германских, совершенно четко. По принципу отбрасывания того, что мне не потребуется в данный момент жизни, я решил для себя: вначале надо выучить язык, а уж потом пойму, где я, как я и что мне делать. Денег, за исключением тех, что мне подали, у меня не было, идти, кроме как к Катуну в подвал, — некуда. Так что оставалось лишь смотреть и впитывать информацию.

Я просидел часа три и, как ни странно, за это время набрал неплохую сумму денег — возможно, мой вид был настолько жалок, что люди волей-неволей кидали мне монетки. Мне даже стало смешно — надо же так опуститься, до попрошайки, — куда уж ниже. Но мой промысел приносил хороший доход и позволял какое-то время выживать в этом мире, а это уже неплохо. Боец должен использовать любую возможность уцепиться за жизнь и выполнить задание любой ценой — я это усвоил четко и давно. Только какая у меня цель? Выжить. А цель появится...

В подвале было темно, как и раньше, старика там не оказалось, и я не стал спускаться вниз, а пристроился на дощечках возле входа в нору, положив доску на чурбачки, найденные тут же. Через полчаса ожидания я услышал шаги и сипение — Катун волок большую сумку. Увидев меня,

он махнул рукой — помоги, мол. Я взял сумку за другую ручку, и мы стали осторожно спускаться в темный зев подвала. Старик достал магическую лампу и активировал. Сразу стало уютнее. Катун стал вынимать из сумки куски копченого мяса, лепешки, зелень, торжественно извлек высокую оплетенную бутылку, хлопнул себя по горлу — выпивка, мол.

Я торжественно достал из кармана добытые сегодня монеты и высыпал их на стол. Старик вытаращил глаза удивленно и пересчитал. Что-то спросил — я изобразил, что стою с протянутой рукой. Он не обрадовался, а укоризненно покивал головой из стороны в сторону — типа ай-ай. Потом показал мне пальцем — сейчас, мол, и достал из пояса какую-то брошь с письменами на ней, а потом сделал знак, чтоб я приложил ее к голове. Я приложил, и он стал учить меня новым словам. С изумлением я понял, что слова впитываются мне в мозг просто молниеносно и я тут же понимаю их значение и запоминаю навсегда. Видимо, это было какое-то приспособление для лучшего изучения языка или активизации памяти.

Старик остановил меня, указав на стол с продуктами, мы быстро перекусили, запив все неплохим легким вином из заветной бутылки, и уже всерьез занялись обучением меня языку.

Через три часа занятий, с головной болью и мельтешением в глазах, я понял, что могу вполне сносно понимать старика и объясняться с ним на не очень сложные темы. Итак, он мне сообщил, что мы сейчас находимся в государстве под названием Ласандия, которое расположено в центре Амасадории — материка, одного из трех, два остальных называются Вантун и Кардизон. Амасадория — самый крупный материк, где находятся несколько государств: в центре Ласандия, управляемая императором Наколем Третьим, на юге Арания — во главе с падишахом Маркабазом, на севере, далеко — Норландия. Между ними идут постоянные споры за территории, и границы их всегда в огне. Огня добавляют также два крупных государства: Айтан, находящееся на острове-материке Вантун, и Карас, отделившаяся от Ласандии колония, а теперь самостоятельное государство на Кардизоне.

Кардизон — практически неисследованный материк. Впрочем, как и Вантун, на который никого из посторонних не допускали очень воинственные местные жители, при своем

небольшом росте славящиеся владением боевыми искусствами. Карас отделился от Ласандии в результате кровопролитной войны, в которой участвовали экспедиционные корпуса Ласандии с одной стороны и смешанная армия людей, эльфов и гномов с другой. Карательная экспедиция не имела успеха, так как колонисты и поддержавшие их нечеловеческие расы проявили в борьбе с империей большую силу духа и всевозможные воинские умения.

Теперь установился плохой мир и процветала неплохая торговля с бывшими колониями — корабли империи и других стран сновали по океану туда-сюда, вызывая законную зависть и недовольство обделенных богатством людей, что привело к расцвету пиратства. Пираты обосновались на островах, по дороге к материкам, и ни один корабль не мог быть обделен их вниманием. Чтобы бороться с ними, выделялись флота, отряды, отдельные корабли охотников за наградами, но, как всегда и во всех мирах, все это заканчивалось пшиком. Как пояснил Катун, были даже подозрения, что эти охотники за пиратами сами промышляют пиратством. Впрочем, они так и остались смутными подозрениями, так как живых, кто мог бы их подтвердить, не находилось. В общем, я попал в «веселый» мир — ничуть не менее раздолбайный и беспредельный, чем тот, в котором я родился.

Кстати, я так и не мог вспомнить, как тут оказался, и меня это напрягало.

Старика это никак не напрягало — он видал виды.

Как я понял, он был профессиональным нищим и состоял в гильдии нищих — только ее члены имели право заниматься попрошайничеством на улицах города, и если бы я попался на глаза страже, оказался бы сначала в тюрьме, а потом высеченным плетью за нарушение закона. Кроме того, все места в городе были поделены, и то, что у питейного заведения не оказалось профессионального нищего, была случайность и удача, по принципу «дуракам везет». Еще я узнал, посмеиваясь про себя, что имя мое похоже на ласанское слово «витор» — седой, что как нельзя лучше подходило к моим седым волосам.

— Сегодня, Седой, ты принес хорошие деньги — десять серебряников и шесть медяков. Десять медяков составляют один серебряник, а двадцать серебряников — один золотой.

— А это много или мало?

Старик задумался:

— Ну как тебе сказать — вот я плачу в месяц один золотой гильдии нищих и один золотой Братству. Бывают дни, когда насобираешь несколько серебряников, а бывает — и ничего. Хорошо, если пару медяков кинут. Тебе повезло сегодня, и если ты думаешь, что так бывает каждый день, ошибаешься.

— Скажи, Катун, а откуда у тебя эта лампа, зажигаемая словами, и этот вот амулет, с которым я учился языку? Это что, магия?

Старик удивленно воззрился на меня, как на идиота:

— Конечно, магия! А ты думал чего? Ты что, магии не видал, что ли?

— Не видал... в моем мире такого нет.

— А что у вас есть? Расскажи, а то все равно делать нечего. А я тебе о нашем мире расскажу...

— Хорошо, только скажи мне, Катун, зачем ты меня привел сюда, спас от дождя и холода, кормишь и поишь?

Старик помолчал.

— Сам не знаю. Старый стал, наверное, партнера захотелось. Вижу — лежит, старый, седой, несчастный, как и я. Думаю, веселей будет вдвоем. А потом и интересно стало. Говорить по-нашему не умеешь, о мире ничего не знаешь — откуда взялся? Вот и есть кому вечера скрасить. Тут когда-то подвал был, потом его замуровали со стороны дома, а он все равно остался. Я дырку нашел, ход, теперь и живу тут уже лет пять. Взять у меня нечего, грабить меня глупо, так и существую — доживаю, уже шестидесятый год.

— Шестидесятый? Да ты не такой уж и старик-то... я думал, тебе лет под восемьдесят!

— Ты думаешь, жизнь нищего красит? Поживешь тут, тоже будешь выглядеть на восемьдесят. А тебе сколько лет?

— Хм-м-м... на наши годы — тридцать.

Старик удивленно хмыкнул:

— И ты еще удивляешься, что я выгляжу таким старым? Ты на себя бы посмотрел — жаль, зеркала нет! Седой, хромой, развалина развалиной, кажется, плюнь на тебя, и рассыплешься. Вот почему, видать, тебе и подавали столько денег, из жалости, надо думать. Слушай, а это мысль! Будешь

работать из-под меня — у меня же есть патент гильдии, если что — ты мой подмастерье, а я тебя выставил на работу. Должно хорошо получиться. Знаешь мы как сделаем: завтра тебя отведу в баню, мы тебя вымоем, расчешем волосы — они у тебя отросли длинные, — бороду тебе поправим, и станешь такой благообразный старик, все жалеть будут. И шрам на щеке у тебя к месту — бывший воин, вынужденный просить подаяние. Это будет твоя легенда: ты воин, раненный в боях, империя оставила тебя без куска хлеба, и ты вынужден побираться, чтобы не умереть с голоду. А здорово должно получиться ведь!

Я помолчал, потом с грустью сказал:

— Катун, я ведь и есть воин, раненный в бою. И награды у меня есть за мужество. И теперь я буду сидеть и просить милостыню?

— А сидеть и голодать ты не хочешь? Мало ли кто там кем был. Я вот магом, например, был, и что? Мне теперь себя в грудь бить и кричать, что я заслуженный боевой маг? — Старик устало сел на лежанку, положив руки на колени. — Что было — прошло. Теперь я тот, кто есть — Катун, нищий. И ты нищий, Седой.

— Катун, а ты что, магом был? — разбирало любопытство меня.

— Магом, даже боевым. Но как только меня выжгло в результате вспышки магического артефакта, у меня все способности пропали. Ну, кроме там лампу зажечь, и то ненадолго. Фитилек подпалить...

Катун задумался.

— Это во время Ласандо-аранской войны было, когда падишах Маркабаз пожег несколько наших поселений на границе с Аранией. Заявлено было, что Ласандия захватила часть их земель, и эти поселения незаконны, и что они восстанавливают справедливость... ну, в общем, там сам черт не разберет, но нас тогда выдвинули в составе ударной армии в сторону агрессоров. Вначале мы успешно долбали этих южан, наши легионы дали им хорошенько просраться, но потом подключились аранские маги, и вот тогда нам пришлось солоно — и в прямом и в переносном смысле.

Мы застряли в солончаках, увязнув по колено в жидкой соленой грязи, под проливным дождем. Южане более лег-

кие, чем наши тяжелые латники, они забрасывали наши легионы дротиками, отбегая и снова наваливаясь, а мы могли только стоять в грязи и ждать смерти. Но потом стало еще хуже... Появились их маги, которые швыряли магические амулеты, разрывающие солдат в клочья. В их числе были и амулеты против магов — один такой артефакт рванул так, что трое магов, и я с ними вместе, полегли без сознания, полностью выжженные. До этого мы могли хотя бы отгонять копьёметателей огнем и швырять булыжниками, отправляемыми магической силой, а когда почти все маги полегли, став трупами или полутрупами... в общем, осталось — один из десяти бойцов, пришедших на границу, — был полный разгром. Выживших, и меня в том числе, превратили в рабов. Я десять лет работал на хозяина, рыбопромышленника, пока не выкупился на волю. Тут уже я никому не был нужен... Да и тогда, если бы вернулся выжженным, кому я был бы нужен, пустой как барабан?!

Старик замолчал и грустно добавил:

— Сейчас я думаю: а не лучше ли было остаться рабом? Питание всегда было, хозяин не обижал, крыша над головой была — что меня побудило выкупиться и уехать? Ведь предлагал он: оставайся, будешь работать на меня, свободным, за нормальные деньги, а не рабские гроши. Свободы хотел, умереть на родине, в своей земле. Да что теперь говорить — что ушло, то ушло.

— Катун, скажи, а как становятся магами? Ну вот я, к примеру, захотел стать магом, я смогу им стать? — Я затаил дыхание. А вдруг?..

— Это нужны способности. Магов с детства уже определяют — их не так много, магов-то, специальные люди из гильдии магов обходят и объезжают селения и осматривают детей — если есть способности к магии, они извещают родителей, что по достижении четырнадцатилетнего возраста ребенок должен отправиться учиться на мага.

Мои родители были простыми ремесленниками, отец сапоги шил, мать обшивала соседей. Меня забрали, когда мне было пятнадцать лет, и тут же усадили за парту — курс магии составляет пять лет. За это время учат заклинаниям, пользоваться подсобными материалами, необходимыми для волшбы. У всех все по-разному получается — никто не знает

почему. Одни лучше совершают боевые заклинания, бьют огненными шарами, молниями, проваливают землю под противником, пускают ледяные стрелы и так далее. Другие умеют общаться с мертвыми, вызывать демонов — но этих не любят, и такая магия под запретом. Третьи лучше всего обходятся со стихийными вещами: им легко управлять ветрами, водой, землей, они чувствуют, где лежат какие-то полезные минералы. Четвертые хорошо лекают и работают с животными. Всех в первый год распределяют по отделениям и учат — общие предметы вместе, а остальное, как распределили. Я был боевым магом.

— Нет, ты так и не сказал, как они определяют способности? Вот ты можешь, глянув на меня, сказать, есть у меня способности или нет?

— Нет, я не могу. Я же тебе сказал — у меня все выгорело. Раньше — мог. Это надо довольно высокий уровень магии иметь, чтобы увидеть. Не все из тех, кто закончили академию, могут увидеть способности к магии у человека. Надо как-то чувствовать это. Для меня это выглядело как какое-то розовое свечение, как аура какая-то, вернее, оттенок ауры. А ты, говоришь, воином был? Ты хорошо владеешь оружием? Почему у тебя такие раны на теле?

— Наше оружие страшнее здешнего, и оно убивает на расстоянии. Впрочем, убивать голыми руками и любыми предметами нас тоже учили. Вот только мечом я махать не умею. Как и стрелять из лука. Наш мир давно ушел вперед от вашего. Наше оружие может одним ударом разрушать города.

Старик усмехнулся в темноте, прокашлялся и иронично сказал:

— Однако воины все равно нужны, и отношение к раненым у вас ничуть не лучше, чем у наших власть имущих. Если ты не представляешь ценности для армии — пошел вон. Ну, хватит бесед, давай спать — завтра пойдем работать.

Я долго не мог уснуть — все размышлял о превратностях судьбы и о том, как мне выжить в незнакомом мире. Сейчас я был ниже низшего — не мог даже попрошайничать сам, а был вынужден прибегнуть к услугам старика... отвратительное ощущение. У меня даже защипало в глазах — ну, дожил! Как ты, Витька, докатился до такого? Ты, боевой офицер! Сука я, а не боевой офицер! Во мне вспыхнула ярость,

хотелось бить, крушить, ломать! Сквозь пелену ярости я услышал, как на столе что-то брякнуло, как будто разбилось, — видимо, крысы лазят, суки, — пришла мысль. Я успокоился и стал настраивать себя на сон... Через полчаса я все-таки стал засыпать, и сквозь дрему ко мне пришла мысль: надо завязывать с пьянкой — уж в этом мире я должен чего-то добиться... хотя бы места нищего. Я хихикнул и провалился в забытье.

Утром мы с Катунем быстро позавтракали остатками вчерашнего ужина — он долго смотрел на разбитую чашку на столе, выругался и сказал, что эти крысы уже достали, хорошо еще не унесли наш завтрак, — потом быстренько оделись и пошли в общественные бани. Мытье там стоило недешево — целый серебряник, зато давали по кусочку мыла и позволяли отстирать свои портки — надо сказать, я сильно зарос грязью за это время, и от меня ощутимо пованивало. Горячая вода в банях, как я узнал, нагревалась в больших котлах, под которыми всегда горел огонь. Катун охотно рассказывал мне все, о чем я спрашивал, единственно — следя за тем, чтобы никто не слышал. Странно ведь, когда один старик рассказывает другому старику простые вещи, которые знает каждый дворовый мальчишка.

Когда мы разделись в бане, Катун с удивлением сказал:

— Теперь видно, что ты был воином.

— Хотя я и сильно исхудал и мышцы мои уже не те, что раньше, но и сейчас я могу спокойно зашибить вон того здорового банщика, что мнет жирного купца, надеющегося согнать свой жир массажем.

— Нас, магов, особенно не изнуряли физическими упражнениями, для воинов свои школы. А что у тебя с ногой? Колено разбито?

— Да, собрали из кусочков, но так и не заработало как следует, вот и выгнали из армии.

Я с наслаждением мылся, смывая с себя пот и грязь, намылил и прополоскал в деревянной шайке свою одежду — до стерильности ей было далеко, но теперь хоть не будет вонять блевотиной и погребом. Катун исчез куда-то, потом появился с усатым важным человечком, ростом чуть мне до груди, но зато со стоячими, как рога, усами. Он, видимо, ими очень гордился и постоянно их поправлял.

— Вот его стричь? Хм... волосы оставляем длинные? Бороду? Странно: если смотреть на голову — старик, а тело молодое, только весь в шрамах... так как будем стричь? — Цирюльник нетерпеливо постукивал ногой, выхаживая вокруг меня и останавливаясь, чтобы прикинуть какие-то свои заметки.

— Подровняйте, чтобы он выглядел воином на пенсии, вынужденным просить подаяние, чтобы благообразно, но вызывало жалость.

— Сделаем сейчас, — хмыкнул цирюльник. — Стоить будет серебряник! Деньги есть?

Серебряник перекочевал в руку человечка и оттуда испарился в неизвестном направлении — я даже не успел заметить куда. Цирюльник взял появившиеся ниоткуда расческу и ножницы, совершенно угрожающего вида, и стал оперировать ими в опасной близости от моих ушей.

— Уважаемый, если вы мне отстрижете ухо, я себе прищью ваше! — усмехнулся я, поглядывая на громадные лезвия ножниц у своего уха.

— Не бойтесь, я знаю свое дело и еще ни одного уха не отрезал... ну почти ни одного! — Цирюльник засмеялся и, еще несколько раз щелкнув ножницами, сказал: — Ну вот, все сделано! Можете посмотреть в зеркало. Когда волосы высохнут, вы будете иметь приличный вид.

Цирюльник убежал, а мы с Катунем стали одеваться. Одежда оставалась еще влажной, можно сказать, мокрой, но на улице было тепло, и имелась надежда, что простудиться не получится.

— Катун, не в обиду, чего у тебя так воняет изо рта? — спросил я, решив уж до конца все выяснить.

Он не обиделся, помолчал и ответил:

— Когда в лагере для военнопленных был, кормили очень плохо, да еще часть зубов выбили охранники, узнав, что я маг. Мы им здорово нагадили во время кампании. С тех пор зубы гниют, мучаюсь страшно. А чтобы их вылечить, надо много денег — меньше чем за двадцать золотых никто из лекарей и разговаривать про лечение не будет, а уж чтобы вырастить новые — это уже не меньше пяти тысяч. Откуда у нищего такие деньги?

Мы молча собрались — я уже пожалел, что задал этот

вопрос. Катун молчал, я тоже. Потом он обернулся ко мне и сказал:

— Да я не обижаюсь, знаю сам про это дело... только что могу изменить? Вот заработаем с тобой денег и вылечимся: я зубы, ты ногу, — улыбнулся он грустной улыбкой, видно было, что сам он в эти сказки не верит.

Мы вышли на улицу, я ковлял сзади, опираясь на палку, Катун вел меня куда-то вниз по улице, к морю, даже отсюда чувствовался его запах... Впрочем, как и запах жарящихся на решетке осьминогов. Мы купили за три медяка два осьминога, и я вгрызся в горячее, пахнущее дымом резинистое мясо — только сейчас понял, как проголодался. Потом выпили по кружке шипучего кваса, и жизнь стала казаться не такой уж и гадкой — я чистый, сытый, спать есть где... Нога болит? Так давно болит. Все лучше, чем у ларька со шпаной махаться.

— Пошли, сюда зайдем! — Катун потянул меня в какую-то лавку, где грудями был навален всяческий секонд-хенд. Он начал рыться в груде одежды и выбрал кожаную куртку, крепкие суконные штаны, по размерам подходящие мне. Куртка была с подозрительной дыркой на спине, как будто прорезана ножом и заштопана, а на штанах имелись застиранные пятна. Но все было чисто оттерто, отмыто и пахло дымом — типа прожарка, не иначе, подумал я, с трупов сняли, собаки. Но мне, по большому счету, было наплевать — что я, трупов не видал? Еще как видал... и сам их производил. Поэтому я спокойно надел тут же в лавке эту подозрительную одежду и приготовился следовать дальше за своим наставником, когда тот, пошарив в углу, выволок на свет ржавый шлем, похожий на скифский, — я видел такой по телевизору.

— Сколько за все?

— Три серебряника!

— Да у тебя пузо лопнет от таких денег! — Катун даже рассердился, замахав руками на лавочника. — Три медяка, больше твои дерьмовые шмотки не стоят! Совсем охренел, Калаз!

— Сам охренел! — Толстый лавочник аж затрясся от возмущения. — Меньше полутора серебряников не отдам! В горшке этом одного железа чуть не пуд!

— Да его ржа давно съела, горшок твой! Ты в него гадишь небось! А одежда твоя с трупов — может, она вообще заразная!

— Вот ты сволочь, Катун! Знаешь же, что у меня заразы нет, все прожарено. Хрен с тобой — серебряник! И все!!! Не нравится — клади на место и уходи!

— Ладно, вижу, в тебя демоны вселились. Бери свой серебряник на лечение и иди к магу изгонять демона жадности! — Катун удовлетворенно хмыкнул и достал из пояса отдельно завернутый серебряник. — Последнее у бедного ничего забираешь!

— Ну уж последнее, — хмыкнул лавочник, — небось в поясе полсотни золотых лежат.

— Лежали бы, стал бы я на тебя так дышать. — Катун подошел к лавочнику и дыхнул ему прямо в лицо.

Я с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться, — физиономия лавочника покраснела, он замахал руками:

— Вот в кого демон-то вселился и гадит там! Тьфу, вонючка поганая! Иди отсюда, рыба тухлая!

— Щас будешь орать, я еще дыхну, и не только — ты тут вообще упадешь насмерть! — Катун хохотнул и вышел наружу. Я поковылял за ним.

— Ну вот, серебряник сэкономил, — довольным голосом заявил старик, — барахло это уж никак не меньше двух серебряников стоит, будь уверен!

— А зачем оно мне вообще, и этот горшок дурацкий — я же не собираюсь вступать в армию императора. Даже если бы и хотел — не смог...

— Ничего не понимаешь — это одежда солдатская: куртка из-под кольчуги, штаны казенные, сейчас мы тебе воинский хвост из волос сделаем, посадим на камешек у трактира, где обитают солдаты, а впереди поставим этот горшок, чтобы подаяния кидали, — вот тебе и будет прибыль! Солдаты-то разжалобятся и накидают тебе полный шлем... ну, пусть не полный, но нормально подкинут. Палку свою рядом положи и сделай мужественное, но жалкое лицо. — Катун рассмеялся. — Ну не такое же! Такое только у больных дурными болезнями бывает! Ладно, просто сиди и грусти — типа вспоминаешь былые дни.

— М-да. Что-то мне комедиантом быть не приходилось. — Я снова загрустил и спросил Катуну: — А сколько мне сидеть с этим горшком?

— А как хватит! Теперь ты у меня в подмастерьях, давай

отрабатывай науку, — усмехнулся он, потом успокоил: — Да не переживай. Скоро привыкнешь. Я тоже по первости все лицо норовил закрыть — стыдно вроде, но я-то местный, а тебя никто не знает, чего тебе стыдиться?

— И правда, чего? — грустно протянул я. — Если бы не нога, я бы лучше в солдаты пошел.

— И что хорошего? Ну выпустят тебе кишки в первом же бою — и лечить никто не будет. Настоящий лекарь-маг стоит больших денег, он только для офицеров, а тебе вольют в живот смесь меда с отваром пижмы, и лежи подыхай себе. Тут посидел, набрал деньжонок, а потом можно и в трактир зайти. Выпить-то любишь? — Он с прищуром посмотрел на меня.

— Любил. Теперь разлюбил, — с вызовом ответил я. — Все, кроме легкого вина — ничего!

— Ну-ну, посмотрим, — неопределенно сказал старик, — дай-то бог.

Катун привел меня к какому-то питейному заведению с бравыми солдатами на вывеске — они маршировали, выставив вперед копыя так, будто у них у всех была патологическая, непроходящая эрекция.

Как сказал Катун, заведение именовалось «Под флагом». Я долго думал, почему именно так, потом различил в углу засиженную птицами фигуру павшего солдата, прикрытого флагом империи, — мимо него и маршировали его эрегированные соратники, с таким видом, что казалось, будто они его ухайдакали. Возможно, это был парад в его честь.

Я уселся на чурбачок напротив дверей заведения и выставил перед собой старый шлем. Катун бросил в него пару медяков и серебряник, вроде как для затравки, и мы стали ждать поклевки «жирных рыб».

Наш рабочий день закончился полным успехом — сердобольные солдаты и угрюмые наемники накидали мне меди и серебра на два золотых — Катун был просто в восторге и возбужденно говорил, что, если дела пойдут и дальше так хорошо, мы сможем себе снять хорошую квартиру где-нибудь в портовом районе, а не ютиться с крысами. Я с ним соглашался, но в душе у меня было страшное опустошение: лучше бы я грабил или воровал, но попрошайничать?! Увы, попрошайничество считалось почтенным занятием, офици-

ально признанным государством, вроде социальной программы. Насколько я понял, оно переложило бремя заботы о ветеранах, престарелых и малоимущих на плечи населения — впрочем, как и везде. Грабителей же и воров ждали каторжные работы или смерть.

Наши успешные вояжи продолжались уже месяц, мы заматерели: отъелись, прикопали в подвальчике с десяток золотых купили матрасы и подушки, — в общем, зажили как короли. Все это время мы рассказывали друг другу о наших мирах — Катун жадно впитывал услышанное и только приговаривал: «Ах, как хорошо, что я тебя нашел! Как интересно, давай, давай рассказывай!» Я же просил его учить меня магии. Он вначале отнекивался — мол, зачем мне вся эта ерунда, если я не родился магом? — но потом стал потихоньку рассказывать, передавать знания, полученные в академии. Что он мог передать за это короткое время? Ничтожную часть своих знаний, даже меньше того, что заучивают первокурсники, несмотря на то что мы с ним применяли амулет запоминания. Он, конечно, помогал, но не настолько, чтобы волшебным образом я стал магом. Но так как делать все равно было нечего, наши занятия по информационному обмену продолжались: я ему передавал знания о Земле, какие-то отрывочные знания о науке, культуре, цивилизации, а он учил меня тому, что сам знал и умел.

Каждый седьмой день мы ходили в баню, где нам делали массаж и втирали в тело лечебные и ароматические мази — теперь мы могли это себе позволить. Со временем моя нога стала просто ныть, а не болеть, будто ее рвали щипцами, и я уже не скрипел зубами во сне, как сказал мне Катун. Но, как всегда бывает — и с хорошим, и с плохим, — все когда-нибудь кончается.

Прошел месяц. Как-то мы тащились к своему подвалу, когда навстречу нам попались двое парней. Я сразу определил их род деятельности. Как говорила моя знакомая, жившая некоторое время в Заводском районе, парней из Заводского района можно узнать сразу: кожаные куртки, треники с кроссовками, волчий взгляд исподлобья и шапки-пидорки. Треников тут не было, кроссовок тоже, а все остальное присутствовало.

Катун как-то сразу напрягся и шепнул мне:

— Не встревай, я разберусь.

— Приветствую вас, ребята. — Катун принял униженную позу несчастного старика. — Я приготовил взнос в Братство, так что Хозяин может быть спокоен, все как полагается.

— А Хозяин всегда спокоен, — плюнул тот, что был поменьше, в дурацкой шапочке, сдвинутой на затылок, и с щербиной вместо переднего зуба, — это тебе надо беспокоиться!

— А что мне беспокоиться? Я порядок знаю — вот золотой за месяц, как и говорили. Как я плачу уже пять лет. А в чем дело? — Катун с наигранным удивлением посмотрел на двух рэкетиров и пожал плечами: — Я разве задерживал хоть раз плату?

— Не задерживал. Но плата увеличилась до пяти золотых, — вмешался второй, здоровенный парень, до этого момента со скукой разглядывавший прохожих, облака и пробежавших мимо женщин. — Вы бабла гребете немерено со своим напарником, бог велел делиться. Это не наше решение, это решение Хозяина. Твой золотой мы забираем в счет уплаты, остальное чтобы было через три дня. Мы знаем, где ты живешь, придем к тебе и выпотрошим, и тебя, и твоего дохляка — солдат-ветеран хренов!

Тот, что поменьше, вырвал у Катуну его золотой, потом пошарил у него за пазухой и забрал еще несколько монет:

— Это нам за беспокойство!

Они заржали и ушли, оставив нас с Катунуном стоять нищими — какими мы, в общем-то, и были.

ГЛАВА 2

Этим вечером в подвале царило уныние — не то чтобы мы с Катунуном не могли заплатить, но обидно было отдавать свои кровные деньги бандитам, ни за что ни про что.

— Катун, ты ведь знаешь, что я мог их убить прямо там, не сходя с места?

Старик помолчал.

— Знаю. Этого я и боялся. Если ты их убьешь, нам тут не работать. Ты это понимаешь? Братство объявит награду за наши головы, и в любом случае в конце концов нас убьют. Я знаю случай, когда один торговец убил в споре сборщика налогов от Братства, так его разрезали на части, а дом

сожгли. Хорошо, хоть дали его семье перед этим покинуть жилище.

— А кто стоит во главе Братства? Это известно? Кого называют Хозяином?

— Никто не знает. Хозяин может меняться, но его никто не видит. Это тайна.

— Ничего себе... А если кто-то со стороны займет его место?.. И все будут выполнять его указания? Я хочу понять сам механизм этой организации, как все происходит, какие шестеренки двигают эту махину.

— А тебе зачем? Ну что толку, что ты узнаешь, что какой-нибудь зеленщик — глава преступной организации?

— Ну как ты не поймешь! Если узнать структуру организации и то, как Хозяин отдает приказы подчиненным, можно занять место Хозяина! Кто узнает, что он — это я или, например, ты?

Старик испуганно сел на край топчана.

— И не думай даже! Ты считаешь, там дураки и не предусмотрели этого? Не сомневайся, все продумано до мелочей. Эта система работает уже сотни лет. И нос совать не смей — загубишь нас, и все тут. Лучше вон учи заклинания, вдруг когда и правда пригодятся. Давай повторай за мной...

Мы отдали требуемые деньги и снова погрузились в свою так называемую работу. Впрочем, она пошла уже похуже — то ли я примелькался, то ли денег у людей стало меньше, но подавать стали меньше, и иногда я в своей знаменитой каске обнаруживал не больше трех-четырёх серебряников.

Подходил день следующей оплаты, но у нас уже не было нужной суммы — Катун тяжело заболел, простудившись, и мы не выходили на работу около недели. Он хрипел, лежа на топчане, а я пытался влить в него отвар пижмы, помогающий от простуды. Больной старался проглотить отвратительную горькую жидкость, но она выходила наружу. Он часто был в забытьи, а когда приходил в себя, пытался что-то сказать, тянулся ко мне исхудавшими руками, хватал за шею и что-то втолковывал, но я ничего не понимал из его горячего бреда.

Я выкопал все сбережения, что у нас оставались, и привел к нему лекаря. На дорогого у нас не было денег, так что пришлось позвать того, что подешевле. Лекарь забрал по-

следние гроши, сказал, что старик не жилец, и с чувством выполненного долга покинул нашу темную нору. Мне хотелось рыдать — этот старик с вонючим ртом и худыми узловатыми руками был единственным моим другом во всем этом страшном чужом мире. Если он умрет — как мне жить? Как на Земле? Заливая горе и боль спиртным?

Наконец у нас не осталось ни одной монетки и ни крошки хлеба, и я вынужден был пойти на работу.

Привычно усевшись у трактира, я несколько часов собирал гроши, исправно капающие в мой железный «горшок». Наконец, радуясь, что сейчас куплю поесть и попить, а также травок для больного Катуну, я поковылял на рынок, где приобрел хорошего копченого мяса, молока, ингредиентов для приготовления лечебного отвара и несколько полотенец, чтобы обтирать горящего в лихорадке товарища.

Набрав полные сумки и переваливаясь как утка, я побрел к нашему подвалу. Уже на подходе к нему я почувствовал что-то неладное и, спрятав сумки за кучей строительного мусора, подошел к входу и услышал чьи-то голоса:

— Ну и че теперь? Ты че, дурак совсем? Теперь с кого бабло снимать? Ну и на кой хрен ты его бил-то, он и так доходной был!

— Да че, я знал что ли, што он такой хлипкай! Я двинул раз, он и затих. Че теперь Якорю говорить будем?

— Че-че? Как есть, так и обскажем. Будешь жопой своей отвечать. Не фига руки распускать раньше времени!

У меня захолонуло сердце — пришла беда. В лице двух дебилов сборщиков дани. Я медленно спустился в подвал, ожидая худшего, и не ошибся — Катун лежал на постели, посиневшим лицом вверх, а из уголка его рта скатывалась тонкая струйка крови, похожая, в неверном свете свечи, на черную змейку, выскользнувшую из его больного тела.

— О! Вот и Седой! А ты говорил, он свалил куда-то! Он нам и заплатит за своего напарничка. Вишь, Седой, нам пришлось потрудиться — он никак не хотел отвечать нам на вопросы, где деньги, например. Оглобля и перестарался: стукнул доходягу разок, тот и помер. Смари, как бы и тебя стукнуть не пришлось. Гляди вон, что бывает с теми, кто не платит бабла Хозяину!

У меня застыли слова в груди, я смотрел, смотрел на ле-

жащего несчастного старика и думал: ну почему нет счастья хорошим, порядочным людям? Почему живут вот такие ублюдки, как этот глумливый шакал, твякающий передо мной? Зачем ему вообще жить?

Я сделал шаг вперед к двум выродкам, держа в обеих руках свой батожок с крестообразной ручкой, резко рванул рукоятку назад, фиксируя левой рукой низ палки, и в правой у меня оказался длинный, заточенный с двух сторон, узкий стилет. Без предупреждения, реверансов или объяснений я воткнул лезвие одному уроду в глаз так, что острие вышло из затылка. Второй попытался увернуться, но мой стилет пробил ему живот и со скрежетом уперся в позвоночник. Затем я рванул лезвие вверх и выпустил ему кишки. Громила упал на бок, пытаясь вправить в распоротый живот блестящие ленты кишок и заливая пол темной кровью. Я вытер об него клинок, вставил на место в палку и спросил:

— Где мне найти Якоря?

Бандит лишь мычал и вращал глазами:

— Ыыы-ы-ы... лекаря... ыы-ы-ы...

— Скажи мне, где Якорь, и я позову лекаря!

Он не понимал, что никакой лекарь его уже не спасет.

— В трактире... «Парусник»... Он всегда там вечером! Позови лекаря!

— Сейчас позову, — сказал я и воткнул ему в сердце стилет. — Вот тебе и твой лекарь — смерть.

Я похоронил Катуну под высоким развесистым деревом, выкопав могилу тесаком, найденным у бандитов. Копать было трудно — мешали переплетения корней, попадающиеся камни и куски черепицы, упавшие со старых домов. Но я не мог бросить старика в подвале на съедение крысам. Я надеялся, что, когда сам сдохну, тоже найдется кто-то, кто закроет мне глаза и уложит спать в могилу.

— Ну вот ты и свободен, Катун, и лежишь в родной земле. Не нажил ты ни богатства, ни семьи, ни детей, но знай, что кто-то будет тебя помнить всегда, пока жив. Прощай, старина, так мы и не вылечили свои зубы...

Я смахнул слезы с невидящих глаз и побрел в свой... или теперь уже чужой подвал. В нем пахло смертью. Я обшарил трупы бандитов, пачкая руки в крови, нашел у них десятка два золотых (видимо, дань с других людей), нож довольно

хорошего качества, острый как бритва — свой затупившийся тесак я бросил на могиле Катуна.

Я осмотрел находку, попробовал лезвие на руке — мне не понравилась его острота, и я стал водить им по куску кирпича, пока острие не приобрело нужное качество. Затем я нашел кусок зеркала и, схватив рукой за хвостик сзади, решительно махнул ножом и отхватил его под корень, после чего стал кромсать волосы, пока от них не остались какие-то жалкие кусты на черепе. Наверное, со стороны это выглядело ужасно, но мне надо было замаскироваться как можно эффективнее, а мои седые лохмы знали все. Покончив с прической, я перешел к бороде и уничтожил ее вместе с усами — соскребая с кровью, покрываясь царапинами. Нечаянно задел старый шрам, выругался — по щеке потекла кровь.

Я глянул в зеркало и увидел в нем довольно молодого человека с жестким скуластым лицом и синими глазами. Я уже забыл, когда я смотрел на себя в зеркало. Последний раз, наверное, когда меня стриг и брил цирюльник. И я давно, с армии, не видел себя безбородым. В целом я выглядел вполне прилично, если забыть про шрам на щеке и порезы. Вряд ли в этом тридцатилетнем парне узнают старика Седого. А это мне и требовалось.

Пошарив по комнате, достал магический амулет для улучшения памяти, спрятанный под крышкой стола, из кучи тряпья вынул магическую лампадку — поставил ее на стол, долго смотрел молча, прощаясь с еще одним периодом своей непростой жизни и со своим другом, затем произнес слова, которые часто слышал от Катуна, магическая лампадка мигнула и вдруг загорелась ровным неоновым светом. Почему-то я не удивился. Я как будто знал, что так и должно быть, но и радости не было — мне не хватало ворчания старика, разговоров с ним. А мне так хотелось поделиться радостью с ним...

Больше меня здесь ничего не держало — я погасил лампу тем же словом, положил в котомку и вылез из подвала. Деньги на первое время у меня были, а потом видно будет, что делать. Подхватив свои сумки с продуктами, я медленно побрел в сторону моря. Шел долго, не меньше двух часов, в конце концов вымотался как собака, нашел в леске у берега ложбинку, засыпанную старой хвоей, и улегся на сухую подстилку. Ветер мне не задувал, было тепло и вполне терпи-

мо. Я накрыл голову воротником куртки и забылся недолгим тревожным сном.

Спать долго не пришлось — скоро взошло светило и стало ощутимо пригревать мою бритую макушку. Я потянулся, хотел сказать что-то Катуну... и вспомнил, что его больше нет. Нахлынула волна депрессии и ужасно захотелось выпить — впервые за все время, проведенное в этом мире. Я встряхнулся, сел и, снимая с себя дурман усталости и недосыпа, потер лицо руками, случайно содрав при этом застывшую корочку пореза от бритья. Взвыл, выругал себя за тупость и решительно стал сбрасывать одежду — разделся донага и пошел к морю. Морская вода сразу защипала в свежих ранах, но я мылся, смывая с себя пот, и грязь, и весь негатив последних дней... а может, и лет.

Я с упоением приговаривал, как меня когда-то учила бабушка: «С меня вода, с меня худоба, с меня вода, с меня худоба», чтобы с текучей водой ушла вся чернота из моей жизни. Усмехнулся про себя: если бы так просто можно было бы смыть все горести из жизни.

Я поковылял по рыхлому песку к своей одежде, когда услышал звонкий смех и увидел беззастенчиво рассматривающую меня девушку лет семнадцати-восемнадцати, сидящую на лошади, она показывала на меня хлыстом какому-то молодому вельможе и говорила:

— Смотрите, Эдурад, этот нищий довольно мужественно выглядит, не то что вы... и кое-что у него завидное. — Она залилась смехом, глядя на то, как пыжится и злится ее спутник.

Тот побагровел, как помидор, и прошипел:

— Сейчас я накажу этого бесстыдника — совсем обнаглели эти простолюдины! Благородным людям уже скоро и погулять негде будет, без того чтобы не наткнуться на какого-нибудь хама!

Хлыщ пришпорил коня и понесся на меня, подняв над головой плеть. Мне никак не улыбалось получить по голому телу кожаной витой змеей, но убежать я тоже не мог и потому встретил всадника, стоя к нему и его красоте лицом. Эдурад замахнулся, ударил — я перехватил плетку в воздухе, обмотав ее вокруг кисти руки, и рванул вниз, продолжая ее движение. Аристократ на скаку вылетел из седла, ударился о песок так, что из его легких с хаканьем вышел воздух,

и попытался подняться, вытаращившись на меня. Я сверху вниз ударил его в челюсть — что-то хрустнуло, то ли вылетел зуб, то ли сама челюсть не выдержала такого обращения и сломалась, в любом случае — он затих на песке.

Снова повернувшись к девушке, у которой смех замер на губах, я рывкнул:

— А ну пошла вон!

Девушка страшно напугалась и пустила коня галопом, уносясь как от демона. Не знаю уж, что она увидела у меня в лице, но ей это явно не пришлось по душе. Я быстро поковылял к одежде, натянул на себя и скрылся в лесу, стараясь уйти от этого места как можно подальше. Успокоился я только уже в городе, затерявшись в толпе спешащих и бегущих по своим делам людей.

Увидев вывеску цирюльника, я остановился и решил зайти. Надо было превратить мою жуткую прическу во что-то более пристойное, иначе ни один домовладелец не сдаст мне комнату и ни один работодатель не возьмет на службу.

Через полчаса миру предстал молодой человек с почти лысой головой, очень белесый, с гладкой кожей лица, местами слегка поцарапанного, видимо, при спешном бритье. Теперь нужно было поискать квартиру.

Я пошел в сторону порта — там находились кварталы, где жил ремесленный люд. Если и можно было найти недорогое жилье, то только в этом месте.

Как ни странно, комнату удалось снять довольно легко — первая же встреченная женщина посоветовала мне обратиться к матушке Марасе, которую я нашел в белом домике, в ста метрах от церкви. Это была женщина лет шестидесяти или постарше, с умным морщинистым лицом, на котором сияли голубые глаза, более приличествующие молодой девушке, — из них исходит настолько яркий свет, что казалось, будто женщина постоянно радуется жизни и воспринимает ее так, как и надо — живому все хорошо.

— Приветствую вас! Вы матушка Мараса?

— Я вроде как, — улыбнулась она и внимательно осмотрела меня с ног до головы. — А ты кто, парень? Насчет комнаты, наверное, — догадалась она. — А тебя как звать?

— Да, точно. Ищу комнатку недорогую. Не поможете? Меня звать... Викор, — ответил я, на сей раз уже сознатель-

но изменив свое имя, чтобы не возникло ассоциаций со словом «седой».

— Ну чего же не помочь, — усмехнулась она, — сдаю я комнатку. И недорого. Правда, что ты понимаешь под «недорого»? Знаешь что, давай вначале посмотрим жилье, а потом будем разговаривать. А то как-то глупо получается. Пошли, пошли... — Она мягко взяла меня за плечо и подтолкнула к калитке, открытой в оплетенном виноградом заборе. Потом с жалостью посмотрела на мою волочащуюся прямую ногу и трость, на которую я опирался, и покачала головой: — И-эх-хх... все вы, молодые, попадаете в мясорубки... Вот и мой — ушел служить на границу с Аранией и не вернулся. Говорила ему: не ходи, не ходи! А он: мир погляжу, вырвусь из этого болота, стану важным человеком, офицером, куплю тебе новый дом — разбогатею на трофеях! Вот и разбогател... И не знаю теперь, где его косточки лежат. Я бы рада сейчас его хоть инвалидом, хоть безногим увидеть — а нету теперь моего сынка. Это его ведь комнатка. Отца у нас давно нет — в море пропал, сгинул, так и жили вдвоем, пока сын не завербовался в армию... Да ну что я на тебя все это вываливаю... тебе и так несладко, вижу. Просто, глядя на тебя, вспомнила сына и расстроилась — не обращай внимания на старуху.

— Ну не такая уж вы и старуха, — усмехнулся я, — а в молодости, похоже, красотка были.

— А как догадался? — Она усмехнулась и с интересом посмотрела на меня: — Да-а-а... парни сохли по мне. Потом мой Айван меня сосватал — классный парень был, капитаном должен был стать, старшим помощником ходил в море. Статный такой, высокий, красивый! Только полгода с ним прожили... так и сгинул на дне морском. Вот теперь одна я... Решила комнатку сдать — вроде и не скучно одной будет, и деньги тоже нужны. Ну что я могу заработать на лечебных травках — не стану же я с соседей брать помногу за лечение, они сами не богатеи, а богатые клиенты сюда не ходят.

— Так вы лекарка? И магией умеете? — заинтересовался я.

— Ну так... не больно-то магией. Могу травку прорастить хорошо, чтобы выросла в огороде, отвар травяной приготовить — ну вот и все, в общем-то. Рук-ног отрастить не могу, если ты об этом, — понимающе взглянула она на меня.

Я кивнул и прошел за ней в коридорчик, завешанный

пучками трав и мешочками — похоже, с истолченной травой.

— Как пахнет хорошо! — Я повел ноздрями и втянул воздух. — Люблю запах травы!

— Я тоже, — усмехнулась Мараса, — может, потому и стала лекаркой.

— А вы где учились? Почему вас маги не взяли в академию?

— Да слабый у меня дар... может, не заметили, пропустили, а потом уже поздно было. Сейчас бы все по-другому сложилось. Пошли за мной.

Я стал подниматься по лесенке на второй этаж, помогая себе руками, перебирая ими по деревянным перилам, она виновато оглянулась:

— Комнатка на втором этаже, в мансарде, ты сможешь туда подниматься?

— Матушка, я еще не совсем доходяга, — усмехнулся я, — хоть и инвалид. Главное, что стоить это будет? У меня на первое время есть деньжонки, но надо подумать, как жить дальше. Я работу ищу.

— Ну сейчас посмотришь комнатку, и мы с тобой поговорим дальше.

Комната мне понравилась: довольно большая, со светлым окном, оплетенным по ставням виноградом. Оно выходило в палисадник, засаженный георгинами, астрами и какими-то еще цветами, издающими сладкий запах, будивший во мне воспоминания о покойной бабушке и ее домике в деревне, где я отдыхал летом.

— Ну вот такая комната! Особых изысков нет, но есть кровать, шкаф, стол, стулья. Кровать большая — вдруг ты задумаешь девушку привести. Ладно, ладно, не стесняйся — дело-то молодое. Ты мужчина в расцвете сил, несмотря на то что инвалид. Многие бы из девушек загляделись на тебя.

— Я как-то об этом не задумывался, матушка Мараса... все проблемы и проблемы, а девушкам нужен здоровый, богатый мужчина — кому нужен бедный инвалид? — Я с горечью опустил глаза, рассмотрел свои ногти, требовавшие стрижки, и спросил: — Ну так сколько вы за комнату хотите?

Она помолчала, подумала.

— Десять серебряников. — И тотчас спохватилась: — Ты

не думай, это недорого! В гостинице берут серебряник за ночь, а то и пять! А если еще добавишь пять серебряников, я буду тебя обедом кормить. В огороде душ есть, сынок делал, сейчас тепло, лето, можно до поздней осени купаться, у нас вода из колодца — туда только надо натаскать воды, и под лучами она согрется. А зимой купаемся или в банях, или в корыте, а воду нагреваем на печке. Ну что, как ты?

— Хорошо. Если за пятнадцать серебряников еще и подкармливать будете, я согласен. Только я много лопаю! — усмехнулся я и положил свои котомки на пол, потом достал из пояса золотой и отдал его матушке Марасе: — Возьмите вот в счет оплаты за месяц. А на сдачу купите мне мыла, бритву, расческу — хотя и расчесывать пока нечего, — провел я ладонью по голове, — ну все равно. Зеркальце бы еще, если есть.

Женщина довольно кивнула:

— Располагайся, отдыхай. Сейчас я что-нибудь на стол соберу. Белье я меняю раз в десять дней, если хочешь, чтобы почаще, скажи.

Я лежал на широкой кровати, раскинув ноги, и смотрел в потолок — впервые за много дней мне было как-то спокойно на душе. Я знал свою цель, знал, что мне делать, и на ближайшие месяцы распланировал все шаги. Сейчас нужно найти работу — самое главное. А затем... затем то, что я задумал. Незаметно для себя я задремал и сквозь сон вдруг услышал, что кто-то меня зовет. Я вздрогнул — показалось, что это моя мама.

— Спускайся! Иди похлебай супчику, я утром варила!

Я очнулся, это была матушка Мараса.

Через пятнадцать минут мы сидели с ней за столом в кухне — я уплетал суп, а она, подперев голову рукой, смотрела, как я ем. Потом спохватилась, отвернулась от меня и вынула соринку из глаза — а может, это была и не соринка...

— А где думаешь устроиться работать? Ты что умеешь делать?

— Матушка, все, что я умею, это убивать, — с горечью сказал я. — Не научили меня ничему больше. Еще, как обнаружил на днях, немножко я умею заниматься волшбой. Уж не знаю насколько — тоже не учили, но лампу зажечь могу. Учил меня один друг, бывший боевой маг. Но опять же — те заклинания только для боя, так что лечить я не мо-

гу — только калечить. Да и калечить не смогу устроиться, с моей-то ногой.

Я отложил кусок лепешки — он в горло не лез, опустил руки на стол и, наклонившись, стал рассматривать изрезанную ножом толстую деревянную доску.

— Мне хотя бы серебряник в день — на прокорм, за квартиру...

— Ну, серебряник в день это немало... если ты ничего не можешь делать, кроме как... кроме чего? Ты вот что, мести двор умеешь? Полы мыть? Паутину сметать и ремонтировать дверцы шкафов?

Я помолчал и посмотрел в хитрое лицо Марасы:

— А что, есть что-нибудь на примете?

— Есть! — торжествующе заявила она, подбоченясь. — Вот и от матушки Марасы прок! Есть такая работа!

— Ну так и какая работа? Платным танцором? Пажом у прекрасной дамы?

Мараса засмеялась:

— Ну, шутник! А что, ежели бы не твоя нога... Ладно, смотри какая вещь, вчера я шла в лавку, и встретила мне соседка Сарана, она тут живет неподалеку. У нее еще сын с моим дружил, а сама она кухарка. Так вот, иду я в лавку — смотрю, она разговаривает с каким-то мужчиной, такой серьезный мужчина — не такой высокий, как ты, но крепенький, с мечом на поясе. И чего-то они разговаривали, разговаривали, а она и пошла дальше, за мной то есть — я мимо прошла...

— Тетушка, а можно к делу ближе, — взмолился я, — у меня от этих Саран уже голова кругом!

— Так я и к делу! Так вот: ищут они человека, чтобы убирался, ремонтировал шкафчики и стулья, подметал и вообще прибирался. И платят — внимание! — по серебрянику в день, как ты и хотел!

— Да кто они-то? — уже рассмеялся я. — Император и его супруга?

— Какой император? При чем император? А, опять шутишь! — улыбнулась она. — Я разве не сказала? Там школа какая-то, где молодые богачи скачут с железками, а хозяину школы потребовался уборщик и в его же лице мастер по ремонту мебели. Сможешь? Я за тебя поручусь, если что, меня люди знают!

— Богачи скачут с железками... а что, это интересно, — задумчиво протянул я. — Когда можно туда пойти?

— Да завтра с утра и пойдем! Позавтракаем и пойдем! Я сейчас в лавку сбегаю — куплю тебе то, что ты просил, а ты отдыхай, скоро работать будешь в поте лица. Накушался?

— Да, все, спасибо. Пойду отдохну.

Я забрался наверх, улегся на кровать и стал думать.

Похоже, это какая-то фехтовальная школа — мне вообще-то повезло. Фехтовать я умею, но только ножами.

Достав свою трость, выдернул из нее клинок со следами крови — его мне подарили ребята, с которыми служил. Говорили, что один из полевых командиров чеченцев после ранения с ней ходил, ему сделали по спецзаказу, а когда мы его ликвидировали, кто-то из ребят и прихватил ее. Вообще в Чечне всегда можно было разжиться. Или редким барахлом типа кинжалов или старинных карамультуков (они все свои музеи после начала войны разграбили), или иностранным оружием вроде беретт или глоков, или просто деньгами — почти у каждого убитого боевика в карманах лежали пачки долларов, которыми им платили за убийство наших солдат. Я на войне много чего насмотрелся. Люди там и богатели — один мой знакомый летеха взял с трупа сто тысяч долларов, настоящих, — и опускались до полного скотства, как охранники в фильтрационных лагерях, но даже среди них мы славились беспощадностью и зверством — все человеческое из нас сознательно вытравлялось еще на этапе обучения. Если нужно было достичь результата, вырезали всех, кто мог видеть, слышать, находиться под подозрением. Может, на тот момент это и было оправдано, но те, кто отдавал приказы, сидели очень далеко от нас, и руки в крови по локоть были не у них.

Скоро вернулась Мараса, покричала мне снизу и, поднявшись по лестнице, отдала бритвенные принадлежности и мыло. Дело было к вечеру. Подумав, я решил навестить некий трактир — посидеть, выпить пива. Взяв с собой золотой и несколько серебряников, я отправился в порт. В трактире «Парусник» бурлила вечерняя жизнь — он был почти до отказа полон, но я все-таки сумел найти столик, правда, в неудобном месте, возле прохода, через который бегали официантки, разнося заказы клиентам. Заказав пива и соленого сыра, я стал наблюдать за залом. В дальнем углу, напротив

выхода, компания наемников, бурно выражая свои эмоции, играла в карты. Поодаль сидела разношерстная группа — то ли пираты, то ли просто корабельщики — в цветастых одеждах, шароварах и косынках на голове.

А вот и те, которые мне нужны, — уже наметанным глазом я выхватил из числа посетителей заведения несколько мужчин в неприметной одежде, сидевших со строгими и подозрительными лицами. К ним время от времени подходили какие-то курьеры, вели разговоры и тут же отправлялись по своим делам. Эти люди никуда не спешили, делали заказы, чего-то получали и отдавали курьерам — видно было, что здесь у них нечто вроде офиса. Я попытался понять, кто из них Якорь. Мне показалось, что это вон тот важный пузан справа — их там было трое, — но решил еще проверить свои наблюдения. Допив кружку слабенького пива, я заказал еще одну и стал прислушиваться к разговорам.

Среди какофонии звуков вдруг всплыла фраза: «Отнеси Якорю, он заказал!» — я напрягся, всматриваясь боковым зрением, кому отнесут заказ. Мне стало смешно — Якорем оказался не тот пузан, которого я выбрал за размер и важность, а небольшой, неприметный человек лет сорока, сидевший рядом с ним и принятый мной за бухгалтера, таким он казался неброским и лохообразным. Однако, понаблюдав за ним, я понял, что внешность, как всегда, обманчива. Вряд ли на такой высокой должности в мафии мог оказаться слабый и глупый человек — это вам не сетевой магазин, где можно устроиться по блату коммерческим директором, будучи дуб дубом.

Я просидел еще долго, пока не заметил, что Якорь собирается уходить, тогда, под шумок в зале, вышел из трактира и стал поджидать его за углом, в темноте — на улице была глубокая ночь. Мне в голову пришла мысль: что скажет матушка Мараса по поводу моих ночных вояжей? Надо что-то придумать...

Мысль была прервана шагами: несколько человек двинулись в сторону порта. Вокруг было тихо — ни случайных прохожих, ни повозок — в такое время суток большинство горожан предпочитают сидеть за прочными засовами на дверях. А в портовые районы, как говорил мне Катун, даже городская стража заглядывает редко и неохотно — отсюда можно просто не уйти.

Но эти люди ничего не боялись. Они довольно громко разговаривали — видно было, что идут хозяева района. Неожиданно в их разговоре, разносившемся далеко вдоль затихших домов, я услышал свое имя и имя Катуна.

— Оба мертвые. Катунa нет, Седого нет. Сдается, их эти нищие и положили. Только как смогли? Два дедка, а тут наши бойцы — один другого здоровее! Может, не они вообще, а кто-то другой? — Голос, как я понял, принадлежал тому пузанку, сидевшему рядом с Якорем.

— Нищих искать. Седой приметный — его сразу найдут. А там и поспрошаем: кто наших уложил и куда наши деньги делись. А потом в расход обоих, для острастки будет правильно, пусть другие бойчее деньги сдают. Раздайте всем уличным — ворам, попрошайкам, торговцам — описание Седого. Как увидят, чтобы к нам бежали. Типа награду дадим. Хм... десять золотых. А кто не скажет, где Седой, кожу сдерем.

Я взял в руки трость и, постаравшись идти как можно бесшумнее, последовал за бандитами. Пройдя метров триста, остановился и прислушался — мне показалось, что сзади что-то зашуршало, я наклонил голову, посмотрел вокруг боковым зрением — вроде тихо. Пошел дальше, ловя разговоры главарей, и... попался.

Моей шеи коснулось что-то холодное и очень острое, негромкий голос сказал:

— Тихо, не шевелись. Иди вперед!

Я послушно зашагал, ругая себя последними словами: вот тебе, хренов разведчик, как я мог подпустить кого-то так близко? Пропил умения свои... С этими грустными мыслями я догнал неспешно идущих бандитов. Двое из тех, что были рядом со мной, подошли к ним, что-то сказали — те развернулись и направились ко мне.

Якорь осмотрел меня с ног до головы в свете масляной лампы — ее зажег кто-то из сопровождающих:

— Это что у нас за чудо? Хромой? Хромой... эээ... да он сам в руки пришел! Парни, да это же Седой! Видали как: вы там его ловите, а стоило мне выйти — и тут он сам ко мне прибежал! Хе-хе-хе... мне надо награду давать, десять золотых... — Его обезьянье лицо искривилось в усмешке. — Ну и что же ты, Седой, тут делал? Неужто хотел засвидетельствовать мне свое почтение?

— Он так тихо крался, что мы боялись, нас засечет — он даже эльфа услышал. Думали, все, запалились — ан нет. Не заметил.

— Давайте его в пустой склад, там поговорим! — Якорь повернулся через правое плечо и зашагал к порту.

Через двадцать минут я стоял в кругу бандитов и думал: «Какого хрена я был так неосторожен? Надо же было догадаться, что за ними будет негласная охрана — ну не так же просто они бродят по улицам! Хорошо хоть не отняли трость — видимо, посчитали совершенно безопасной. И это хорошо».

— Ну что, поговорим, Седой? — Якорь равнодушно сделал знак стоящим сзади боевикам, и меня ударили в спину так, что я упал на одно колено — второе у меня не сгибалось, а потому я замер в очень неудобной скрюченной позе.

— Говори, кто убил наших парней, куда делся Катун, где наше бабло! Скажешь или тебе помочь сказать? Парни, он чего молчит-то все время? Ну развяжите ему язык, только слегка — а то подохнет.

Меня начали пинать ногами, я упал в позу зародыша и только старался прикрыть голову — негоже идти на работу с синяками на морде. Впрочем, избежать ударов по лицу все равно не получилось — хорошо, хоть зубы целы. Ощупал их языком, потом, изобразив потерю сознания, обмяк, подсунув трость под себя...

— Вы там его не прибили? — забеспокоился Якорь. — Эльф, ну-ка погляди — живой он там.

Надо мной склонилось вытянутое лицо с острыми ушами, — я видел полуприкрытыми глазами — рука с длинными пальцами оттянула мне веко, и эльф сказал:

— Да он прит... — закончить фразу ему не удалось.

Я выдернул из-под себя рукоять трости с тридцатисантиметровым клинком и воткнул его в глаз существа, и затем здоровой ногой ударил по колену стоявшего рядом бандита — его нога с хрустом сломалась, и он завопил от боли. Не дав никому опомниться, я секущими ударами по ногам свалил еще двух и, вскочив с земли, отразил нож четвертого — распорол ему горло резким выпадом; пузан свалился следом за ним, зажав дыру в животе. Якорь быстро сориентировался и спринтерским рывком попытался покинуть склад — я метнул ему вслед стилет, пробив ногу сзади в подколенной впа-

дине. Похоже, лезвие вышло у него из коленки, и это было страшно больно (по себе знаю). Под ногами шевелились подрезанные бандиты — я обошел всех, оглушил ударами, увернувшись от ножей, которыми они размахивали, свернул головы как курятам.

Якорь со стилетом в коленке успел отползти почти за угол склада, когда я взял его за здоровую ногу и поволок обратно. Бросив его рядом с мертвыми подельниками, я сказал:

— Сейчас ты умрешь. Но у тебя есть выбор — ты можешь умереть быстро, а можешь медленно и мучительно. Чтобы все быстро закончилось, ты ответишь на мои вопросы. Тебе все ясно? — Я подошел к лежащему Якорю, сцепившему зубы и бледному как смерть, и выдернул из него стилет.

— Ясно. Что ты хочешь знать?

Стоило отдать должное Якорю — держался он хорошо, мужественно... или на что-то рассчитывал? Человеку, когда он еще жив, всегда кажется, что вот-вот, и все кончится нормально, хорошо и что вот эти неприятности только дурной сон, а стоит проснуться — все и закончится. Скорее всего, он так и не поверил, что уже труп.

— Я хочу знать, кто такой Хозяин и где его найти.

Якорь хрипло засмеялся сквозь гримасу боли, потом сказал:

— Да ты болван! Никто не знает, кто такой Хозяин, и я не знаю. И они не знали.

— А как же ты получал приказы?

— Дурак! Да не было никаких приказов! И Хозяина никакого нет! Это рассказка для дураков, для того чтобы держать всех в подчинении, в страхе! Чтобы никто не мог и помыслить покунуться на меня!

Я замер, разочарованный, — вот и еще одна легенда, миф... Почему-то я сразу ему поверил. Да и зачем врать человеку, находящемуся на пороге смерти?

— Слушай, Седой, я тебе заплачу и даже не стану тебя преследовать — отпусти меня, доставь к лекарю — я дам тебе... десять тысяч золотых! Ты за эти деньги сможешь вылечить свою ногу, купить дом! Двадцать тысяч! Решайся! Ну?! Ты будешь богат! — Якорь с надеждой смотрел на меня, хитро поблескивая глазами. Главное, уйти отсюда живым, можно наобещать что угодно — ну а потом видно будет.